

ЗИНАИДА ГИППИУС

ТИХОЕ,
СТРАШНОЕ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Тихое. Страшное

Аннотация

«Один из моих молодых друзей отличается странной спеленутостью, связанностью, – она его самого, видимо, тяготит. И хотел бы поговорить о себе, и не может. Я пытаюсь вытащить его из коробки (совсем точно в коробке!) и тогда применяю к нему систему наводящих вопросов. Что, например, он любит? Это очень открывает человека, только надо, конечно, разбивать вопрос на множество частных. Но с моим другом и это не вышло, или, впрочем, вышло, но неожиданно...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

Зинаида Гиппиус

Тихое. Страшное

Один из моих молодых приятелей отличается странной спеленутостью, связанностью, – она его самого, видимо, тяготит. И хотел бы поговорить о себе, и не может. Я пытаюсь вытащить его из коробки (совсем точно в коробке!) и тогда применяю к нему систему наводящих вопросов. Что, например, он любит? Это очень открывает человека, только надо, конечно, разбивать вопрос на множество частных. Но с моим приятелем и это не вышло, или, впрочем, вышло, но неожиданно.

На все окольные вопросы отвечал: «нет» и вдруг определенно заявил:

– Я ничего не люблю.

После этого мы замолчали. Что же дальше спрашивать? Надо подождать.

Но, к удивлению, он заговорил снова:

– У нас слово «любить» разное значит. Я, по-своему если, – правда, ничего не люблю. А если хотите – могу сказать, что я недавно любил старух.

– Как это, старух? Каких старух?

– Вот, вы уже не понимаете. А я любил. То есть опять не «любил», а другое: влекся к ним, потрясался, что ли, ими. Оне преследовали меня, – и я их преследовал.

– Да, не понимаю...

– Это надо выдумать такое слово, как французское *fascination*¹. По-русски перевести – выйдет все не то. А затем надо знать, какие старухи на меня так действовали.

– Не все значит?

– Конечно, не все. Во-первых, моя старуха – незнакомая, я ее встречал на улице, обыкновенно. За ней-то и шел, остановиться не мог, преследовал. Старуха подтянутая, накрашенная, еще «не отказавшаяся», хотя уж с неуверенными глазами, – конечно, не моя старуха. Деловая, с корзинкой, с пакетами, с другой старухой, – тоже не моя. Не любил я и «бабушек», около детских колясочек, с дочкой, с нисходящим поколением, – опять не та.

– Какая же та, ваша?

– Я вам расскажу. Она – праздная, и непременно одна. Одета в черном или темном, не то, что оборвано, но бедно и как-то без «любви», без внимания, точно без сознания. А вместе с тем кажется, что ее одежда и есть она, а она – вот эта одежда. Юбка полудлинная, сбоку немножко висит, чулки черные и ужасно плоские башмаки, носами чуть вверх. Кофта какая-то, – редко пальто; на шейке бывает шерстяная косынка; шляпа тускленькая, приплюснутый бант, или без банта. Руки в черных нитяных перчатках, и на каждом пальце, на конце, камушек сваялся. Иногда в руках зонтик, рыжий, довольно большой и ридикюль. Старушка моя сухонь-

¹ обаяние (*фр.*).

кая и очень часто совсем маленькая. Горбится, но бывает и прямая. Она идет...

– А какое у нее лицо?

– Подождите, не перебивайте. Она идет медленно и... как бы сказать? идет – никуда. Это сейчас видно, что никуда. Может остановиться у витрины, долго стоять неподвижно и смотреть – все равно на что: на колбасу, на аптекарские принадлежности, на антикварную мебель, на гору булок, на чулки, на электрические лампы, на чемоданы, на челюсти, на бутылки с шампанским, на галстуки и рубашки, на образцы антрацита – ей все равно. Стоит тихо и смотрит, и подол у нее также висит, и ручками черными прижимает к себе тихо зонтик или ридикуль. Вы спросите, какое лицо. Такое, как она вся: отсутствующее. Посветлее ее всей, пожелтее, с глазами, может быть, видящими (видит же, идет же), а, может быть, и нет. И глаза «отсутствуют». Меня это отсутствие и тянуло, прямо втягивало. Оно – тишина. Понимаете, на улице шум, грохот, вскрики автомобилей, звонки, спешка... А моя царственная, отсутствующая старуха в тишине – как в облаке, стоит – или идет, неторопливо, одинаково, именно как идут – никуда. С таким лицом, с таким зонтиком нельзя не идти – никуда. И я за ней шел, не мог тоже не идти; в ее облако тихое старался попасть – и не попадал, хотя почти вплотную шел, у тех же витрин с нею останавливался, смотрел на аптекарские банки, на пустые перчатки в красильне, на чемоданы... Она двигалась – и я двигался. Потом или тем-

нело, и я, в огнях, сам не знаю, как терял ее, или она за угол заворачивала, и я тоже терял ее; но непременно терял, когда в меня уж начинала входить ее тихость, беззвучность, ее отсутствие. В тихом этом страшное, но упоительно-страшное, такое, которое влечет, справиться нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.